

А.С. ПУЧЕНКОВ

A.S. PUCHENKOV

НОВАЯ КНИГА ОБ «АКАДЕМИКАХ»-ГЕНШТАБИСТАХ

A NEW BOOK ABOUT "ACADEMICIANS"- GENERAL STAFF MEMBERS

Сведения об авторе. Пученков Александр Сергеевич — доцент Института истории СПбГУ, доктор исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru).

Аннотация. Рецензия на книгу А.В. Ганина «Закат Николаевской военной академии 1914—1922».

Ключевые слова: Николаевская военная академия; история русского офицерства; Гражданская война в России; Красная армия; офицеры Генерального штаба.

Information about author. Aleksandr Puchenkov — Associate Professor, Institute of History of the St. Petersburg State University, D. Sc. (Hist.) (St.-Petersburg. E-mail: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru).

Summary. A review of the book by A.V. Ganin "Decline of the Nikolaev Military Academy, 1914—1922".

Keywords: Nikolaev Military Academy; history of the Russian officers; Civil War in Russia; Red Army; officers of the General Staff.

НОВАЯ книга* доктора исторических наук А.В. Ганина — результат его многолетней кропотливой работы во многих архивохранилищах России, Украины, Закавказья, Польши, Франции, США. Иначе говоря, перед нами — блестящий пример одновременно и собирательской, и аналитической работы: историком извлечён из архивов, профессионально и глубоко аналитически обработан огромный массив документов, как правило, впервые вводимых в научный оборот.

В итоге увидел свет обобщающий труд, не только обладающий несомненной научной ценностью и могущий служить серьёзным подспорьем при создании специализированных изданий по истории русского офицерского корпуса в 1914—1922 гг., но и передающий широкую палитру жизни российского общества в переломную для нашей страны эпоху Первой мировой войны, великой революции и Гражданской войны.

А.В. Ганин — автор честной истории русского офицерства на изломе эпох. Историк не склонен идеализировать офицеров, изображать их святыми или рыцарями без страха и упрека. В своих трудах¹ ему удалось показать представителей элиты русской армии в чрезвычайно сложное время и в чрезвычайно сложных обстоятельствах, которые сами по себе предполагали необходимость принятия офицерами крайне рискованных решений — выбор неизбежный и в то же время крайне опасный вне

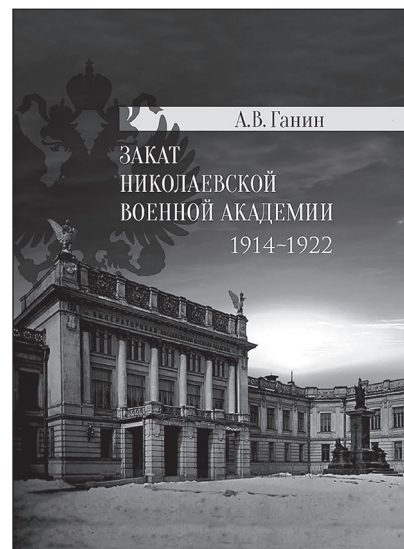
зависимости от того, чью сторону принимал в итоге недавний верноподданный Его Величества. Идти с красными или с белыми? Может быть, принять пресловутый нейтралитет и попытаться избежать участия в Гражданской войне? Поступить на службу в одну из национальных армий? Абсурдность ситуации заключалась в том, что, принимая то или иное решение, офицер в любом случае обрекал себя на проклятия части своих бывших сослуживцев и ставил не только свою жизнь, но и жизнь своих близких под смертельную угрозу. Гарантированный рецепт сохранения жизни в ту пору ни для кого не существовало, примеров этому нет числа. Служба у белых в идеальном варианте могла привести к вынужденному оставлению Родины; служба военспецом у красных или в армии «националов» и отказ или невозможность по целому ряду причин покинуть Россию могли обернуться для вчерашнего царского офицера «операцией «Весна»» и «великой чисткой» 1937—1938 гг. Не случайно работа одного из предшественников А.В. Ганина — московского историка С.В. Волкова была названа «Трагедия русского офицерства»². Думается, в названии этой книги содержится страшная правда. Нелёгкий нравственный выбор, перед которым были поставлены офицеры после отречения императора, а в особенности после повторного распада государственности вследствие прихода к власти большевиков, осложнялся ещё и абсолютным неведением относительно того, какую западно приготовила им судьба.

Сопереживая своим героям, Ганин «строк печальных не смыва-

ет», выступая вдумчивым и объективным летописцем печальной для русских офицеров эпохи, приоткрывая новые, доселе не известные исторической науке страницы истории элиты русской армии — корпуса офицеров Генерального штаба в 1914—1922 гг.

Традиционно советский, а затем и российский читатель воспринимал и воспринимает Гражданскую войну как противостояние «народной» Красной армии, предводимой «полководцами-самоучками» — Будённым, Чапаевым, Фрунзе (гораздо реже вспоминают Сорокина или Щорса), с армией белой — вооружённой Антантой до зубов, во главе которой стояли образованные и высокопрофессиональные царские генералы.

Обложка книги

* Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914—1922. М.: Книжница, 2014. 768 с., ил.

Победа красных в Гражданской войне изображалась в художественной, а подчас и научной литературе в духе теории «дубины народной войны» Л.Н. Толстого. Такое представление устраивало официальную историческую науку, полностью подпадая под теорию классово-борьбы и победу «восставшего народа» и «революционной армии» над капиталистами и помещиками, снаряжёнными на бой против своей страны вооружённым империализмом.

То, что в Красной армии служили тысячи военспецов, иначе говоря, бывших царских офицеров, в эту концепцию не вполне укладывалось. О военспецах в советской исторической литературе говорили нехотя, стараясь избегать категоричной положительной или отрицательной оценки; военспец, даже спустя десятилетия после окончания Гражданской войны, находился под подозрением как потенциальный белый агент или перебежчик. Между тем подобное отношение в период самой Гражданской войны не только было неконструктивным, но едва не привело Красную армию к поражению, а большевиков к краху. «В отношении создания командного кадра мы действительно не продвинулись далеко вперёд, и это наш главный недостаток. И в этом отношении наше положение почти что безнадежно. Хороший командный состав в короткое время создать нельзя. У нас недостаточно оценили значение офицера в регулярных войсках. Бывших офицеров, большей частью неважно, объявляли контрреволюционерами, подвергали преследованиям, запирали их в концентрационные лагеря. В то время, когда многие из них заявили о своём желании служить в Красной армии, под влиянием этих преследований десятки тысяч офицеров перешли туда, где таких преследований против них не было. В настоящее время мы расплачиваемся за прежние ошибки», — писал отставленный к тому времени со своей должности бывший главком РККА военспец И.И. Вацетис³. По словам Вацетиса, без привлечения на службу профессиональных офицеров-генштабистов регулярную Красную армию создать бы не удалось. «Могли констатировать, — утверждал Иоаким Иоакимович, — что бывшие офицеры Генерального штаба несут свои тяжёлые обязанности с большим самоотвержением, отдаются делу целиком, и контрреволюционности в их среде не замечается. Хотя у нас немного лиц Генерального штаба, но вести войну в нынешней обстановке без них мы не можем, но среди лиц

Генерального штаба, особенно занимающих высшие ответственные посты, чувствуется большая издёрганность и упадок энергии. На них смотрят как на необходимое зло, которое временно необходимо использовать, а потом выбросить за борт, как выжатый лимон. Тем успехом, который нам удалось достичь при создании Красной армии и приведении её на ратные поля, мы обязаны почти исключительно тому, что мне удалось в сентябре 1918 года поставить в ряды действующей армии на ответственные штабные должности, равно и на крупные командные посты, лиц с академическим образованием и бывших офицеров Генерального штаба с большим научным и командным опытом старой армии. Без них, само собой разумеется, у нас не было бы никакой Красной армии и не было бы тех успехов, которых мы достигли. Это необходимо признать. И это колоссальнейшая заслуга бывших офицеров Генерального штаба. Тому у нас уже много доказательств и опыт многих случаев, когда на высокие командные должности допускались лица из политических деятелей, но без научного и командного опыта, и должен свидетельствовать, что ни в одном случае к положительным результатам это не привело. Одно могу отметить, что политические деятели, некоторые охотно и с особым сладострастием тянулись к высоким должностям, но став на таком посту, не знали, что делать, воевали отсебятиной, партизанщиной и портили всё дело, а напортачив, уходили в сторону, предоставляя снова тому же Генеральному штабу поправлять дело»⁴. Красноречивое признание!

По-настоящему новаторский характер имела монография военного историка А.Г. Кавтарадзе. В этой книге отмечалось, что «в Красной армии к концу гражданской войны служили около 75 тыс. военных специалистов (бывших генералов, кадровых офицеров и офицеров военного времени)»⁵. 75 тыс. из примерно 280 тыс. представителей русского офицерского корпуса (такова приблизительно была численность российского офицерства на момент прихода к власти большевиков), которые, по словам Кавтарадзе, оказавшись «не у дел», «разметались» по всей огромной территории бывшей Российской империи»⁶. Кавтарадзе опроверг устоявшийся штамп советской историографии о том, что Добровольческая армия — армия помещиков и сынков богатых буржуа. Проанализировав послужные списки участников Ледяного похода Добровольческой армии, Кавтарадзе

пришёл к выводу о том, что эта армия ни в коей мере не могла считаться «буржуазно-помещичьей»; даже в среде генералов-первопоходников абсолютное большинство не обладало никаким источником дохода, помимо жалованья⁷. Рухнул один из мифов советской историографии. Чтобы написать такое ещё в советский период, нужно было обладать большой научной смелостью.

Личное общение с А.Г. Кавтарадзе в определённой степени повлияло на становление А.В. Ганина как специалиста. А.В. Ганину удалось вывести исследования русского офицерского корпуса, начатые А.Г. Кавтарадзе, на новый уровень. В значительной степени этому способствовало введение в научный оборот больших массивов архивных документов, показывающих жизнь офицерства, стоявшего друг против друга по разные стороны баррикад, в их диалектической взаимосвязи.

Офицеры Генерального штаба не были святыми; между ними ещё до начала описываемых в книге А.В. Ганина событий существовали острые конфликтные отношения, лишь обострившиеся после революции⁸. Были у них и разные мотивы, как идейные, так и вполне прагматические: кто-то не видел смысла в дальнейшей службе после отречения императора, оставаясь идейным монархистом, но не поступая на службу ни в одну из противоборствующих армий; кто-то видел в РККА эмбрион возрождаемого Русского государства и олицетворение России на данном историческом этапе, честно и добросовестно выполняя свой служебный долг в рядах Красной армии; кто-то считал Добровольческую армию продолжением самой идеи Отечества и был готов отдать жизнь за «Единую и Неделимую»; были и те, кто не видел себя вне военной службы, или же офицеры, вынужденные искать службу ради выживания.

«Среди тех, кому пришлось особенно трудно в годину тяжелейших испытаний, выпавших на долю всех слоёв населения России, был и офицерский корпус Российской армии. Когда после Октябрьской революции началась Гражданская война, русские офицеры оказались буквально между молотом и наковальней. После нелёгких испытаний русско-японской и Первой мировой войн перед русскими офицерами встал вопрос, с кем они: с новой властью, утверждавшейся после победы большевиков в 1917 году, или с их противниками. В этой обстановке многие офицеры встали под

знамёна белых армий. Тем, кто пошёл вслед за Корниловым, Алексеевым, Деникиным, казалось, что все офицеры должны были поступить так же. Однако на службу в заново созданную на новых принципах и призванную защищать Советскую власть Рабоче-Крестьянскую Красную армию пошли и бывшие офицеры. Не единицы, а десятки, сотни, тысячи. Присутствие в рядах «красных» бывших офицеров, тем более кадровых, вызывало не только недоумение, но и ненависть у тех, кто воевал на стороне «белых», — справедливо пишет крупнейший петербургский историк А. Н. Цамутали⁹. Офицеры, служившие в РККА, в большинстве своём поступали на службу добровольно и осознанно, а не исходя из принципа пушкинского Савельича «Барин, поцелуй злодею ручку». Многие военспецы видели в советской власти государственную власть, а не безвольную и аморфную «керенщину»¹⁰. Точно так же были честны в своём решении и те офицеры, которые пошли служить под знамёна Деникина, Колчака или Юденича.

Николаевская академия Генерального штаба издавна была заветной мечтой офицеров, грезивших о блестящей карьере; зачастую поступление в академию было единственным шансом вырваться из захолустного провинциального гарнизона в имперскую столицу (как тут не вспомнить героя купринского «Поединка» поручика Николаева с упорством, достойным лучшего применения, год за годом штурмовавшего ворота академии). Выпускников академии в армейской среде называли «академиками Генштаба»¹¹; «академик», по умолчанию, считался олицетворением лучших качеств военного профессионала.

Советский читатель имел представление об академии по воспоминаниям Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова¹², а также мемуарам военспецов М. Д. Бонч-Бруевича, А. А. Самойло¹³. В перестроечную эпоху в нашей стране широко известность получили изданные ещё в 1953 году в Нью-Йорке незаконченные воспоминания А. И. Деникина «Путь русского офицера»¹⁴.

Но обобщающего исследования о Николаевской академии Генерального штаба в последний период её истории до сего времени не было. Выбор хронологических рамок работы А. В. Ганина вполне логичен — в ноябре 1922 года академия прекратила своё существование. По справедливому замечанию Ганина, «события Первой мировой и Гражданской войн завершили историю академии», что и обусловило границы исследования¹⁵.

Монография состоит из 10 тематических глав-очерков, вместе составляющих целостное повествование. Особое внимание автор уделяет специфике организации учебного процесса в условиях военного времени ещё до отречения царя, в период Временного правительства, а затем и в период «академической одиссеи», когда академия прodelала впечатляющее путешествие из Петрограда до Урала, а затем и до Томска и Владивостока. Ганину удалось нарисовать фактографически точный портрет «академика» той поры: перед читателем как живые проходят начальники академии генералы А. И. Андогский, В. Г. Глазов, профессора М. А. Иностранцев, Н. Н. Головин, В. В. Витковский и многие другие; на основе ярких дневниковых и мемуарных свидетельств изображается «милльон терзаний» слушателей академии. Автору удалось впервые показать академию как значимый фактор внутривосточной борьбы в Белой Сибири. Впечатляющая архивная база, положенная в основу исследования, делает выводы автора вполне достоверными. К тексту органически примыкают документальные приложения, представляющие немалую научную ценность: так, на наш взгляд, украшением работы являются отрывки из воспоминаний вдумчивого генштабиста профессора Е. Э. Месснера, мемуары П. Ф. Рябикова и К. В. Семчевского. Думается, исследование А. В. Ганина, логически продолжающее его предыдущую монографию «Мозг армии» в период «Русской смуты»¹⁶, является серьёзным вкладом в историографию как военной истории России XX века, так и в историографию новейшей истории нашей страны в целом. Эта работа, несомненно, найдёт своего читателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М.: Русский путь, 2004. См. рецензию на неё А. Г. Кавтарадзе: *Кавтарадзе А. Г. Черногорец А. С. Бакич на русской службе* // Воен.-истор. журнал. 2006. № 3. С. 79; Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М.: Центрполиграф, 2006; Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917—1922 гг.: Справочные материалы. М.: Русский путь, 2009.

² Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М.: Фокус, 1999.

³ Российский государственный военный архив. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Вацетис И. И. Десять месяцев на посту Главкома РСФСР (2 января 1920 г.). Л. 11.

⁴ Там же. Л. 236.

⁵ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917—1920 гг. М.: Наука, 1988. С. 198.

⁶ Там же. С. 220.

⁷ Там же. С. 227—230. Подробнее см.: Ганин А. В. А. Г. Кавтарадзе [Некролог] // Родина. 2009. № 1. С. 22.

⁸ Ганин А. В. Становление Красной армии во взаимоотношениях её первых руководителей: М. Д. Бонч-Бруевич, И. И. Вацетис и С. С. Каменев // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 2: Гражданская война в России в контексте международных отношений первой четверти XX века. Архангельск, 2015. С. 59—111.

⁹ Цамутали А. Н. Офицерский корпус российской армии в годы Первой мировой и Гражданской войн. (Историографические заметки) // Гражданская война в России: проблемы истории и историографии: сб. докл. междуу. науч. конф. Санкт-Петербург. 29 ноября 2013 г. СПб., 2014. С. 63, 64.

¹⁰ «Хорошо, когда есть власть. Керенский такой жалкий в сравнении с Лениным и Троцким... Крыленко, по-моему, более нормальный главноверх, чем Керенский. Почему же бесхарактерного присяжного поверенного можно назначить главноверхом, а Крыленко нет... Ленин, Троцкий имеют полное право подавить Духонина... Как сильными людьми Лениным и Троцким можно восхищаться. Можно их ненавидеть, не соглашаться, но это дело не меняет... А в общем власть их безусловная сила». (Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 13-р. Оп. 1. Д. 2. Дневник штабс-капитана В. М. Цейтлина. Л. 270, 271. Запись от 11 ноября 1917 г.). Анализ уникального дневника В. М. Цейтлина предпринят в статье А. В. Ганина (*Ганин А. «Теперешние события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий...»* // Родина. 2015. № 3. С. 110—115)), а ещё прежде к дневнику Цейтлина привлекла внимание научной общественности коллективная статья А. П. Жарского, А. А. Михайлова и В. Н. Шептуры (См.: *Жарский А. П., Михайлов А. А., Шептура В. Н. Первая мировая война в неопубликованных воспоминаниях В. М. Цейтлина, офицера российской императорской и Красной армий* // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 92—110.). Чувства кадровых офицеров по отношению к «керенщине» и Керенскому выразил в своих оригинальных и ещё не подвергнутых «литературной записи» и цензуре воспоминаниям генерал М. Д. Бонч-Бруевич: «Керенщина» — это ни «революция», ни «контрреволюция», это — издевательство и одурачение». (См.: Отдел Рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 369. Картон 421. Ед. хр. 9. Воспоминания М. Д. Бонч-Бруевича. Ч. 1. Со дня «отречения» Николая 2 до 10 сентября 1917 г. 1926 г. Л. 123.).

¹¹ Слацов Я. А. О Добрармии в действии в 1918 году. Ч. I / Публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 206.

¹² Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974. С. 123—170.

¹³ Самойло А. А. Две жизни. М.: Воениздат, 1958.; Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам! М.: Воениздат, 1958.

¹⁴ Деникин А. И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991. С. 64—83.

¹⁵ Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914—1922. М.: Книжница, 2014. С. 5.

¹⁶ Он же. «Мозг армии» в период «Русской смуты»: Статьи и документы. М.: Русский путь, 2013. ■